

DOI: 10.25178/nit.2024.3.15

ГОЛОСА АЗИИ

Статья

Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке

Жулдузбек Б. Абылхожин

Институт истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова, Республика Казахстан,

Игорь В. Крупко

Международный Центр сближения культур под эгидой ЮНЕСКО,

Республика Казахстан

В статье исследуется влияние идей культурных иерархий (воображаемые низший — высший уровни) и травм постномадизма (трансформированной культуры пост-кочевого общества) на дискурс казахстанской интеллигенции, которая в XX веке начала искать историческую субъектность казахского народа. Авторы отмечают как седентаризм (система взглядов оседлого мира на кочевой) укоренился в идеологических приоритетах и диалектике нарративов поиска исторической субъектности казахстанского социума.

Разрушение основ традиционного хозяйственно-культурного типа деятельности в результате насильственной коллективизации и седентаризации казахов в 1920–1930-х гг. продолжилось в научном и общественно-политическом дискурсе. Значительная часть казахстанской интеллигенции 1950–1970-х гг. производила исторические и культурные нарративы в рамках седентаристской традиции описания кочевой культуры как регрессивной. В то же время существовало и стремление преодолеть сформированную культурную травму «внеисторичности». Легитимной формой преодоления травмы в рамках обозначенной иерархии стало научное и идеологическое освоение археологического наследия оседло-земледельческой культуры на территории Казахской ССР.

Одновременно некоторые представители нового поколения казахстанской интеллигенции (О. О. Сулейменов, М. М. Ауэзов, Н. Э. Масанов) осуществили научное и культурное вписывание исторической субъектности пост-номадов во всемирную историю цивилизации, не дистанцируясь от кочевого культурного наследия. Однако, спустя почти столетие, влияние седентаристских иерархий продолжает сохраняться в научных, общественных и даже официальных исторических нарративах XXI века.

Ключевые слова: культурная иерархия; исторический нарратив; идеологическая дискуссия; субъектность; историческая память; история Казахстана; кочевая культура; постномадизм

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН: AP19680622 «Идеологические дискуссии 20–50 гг. XX в. и их воздействие на деформацию научного исторического знания в советское и постсоветское время».

Для цитирования:

Абылхожин Ж. Б., Крупко И. В. Идеологические дискуссии и поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX веке // Новые исследования Тувы. 2024. № 3. С. 265–278. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

Абылхожин Жулдузбек Бекмухамедович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела историографии, источниковедения и современной методологии Института истории и этнологии им. Ч. Ч. Валиханова. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, ул. Шевченко, д. 28. Эл. адрес: abylkhzhin@mail.ru

Крупко Игорь Владимирович — доктор наук (PhD), заместитель директора по науке и внешним связям Международного Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО. Адрес: Республика Казахстан, г. Алматы, 050010, ул. Кунаева, д. 120/94. Эл. адрес: tengri95hismatulin@mail.ru

VOICES OF ASIA

Article

Ideological discussions and the search for the historical subjectivity of Kazakh society in the twentieth century

Zhulduzbek B. Abylkhozhin

Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Republic of Kazakhstan,

Igor V. Krupko

International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO, Republic of Kazakhstan

The article examines the impact of the ideas of cultural hierarchy (imaginary low – high levels) and post-nomadic traumas (transformed culture of former nomadic society) on the discourse of Kazakh intellectuals, who in the twentieth century began searching for the historical identity of the Kazakh people. The authors note that sedentarism (the view of the settled world towards the nomadic world) is rooted in ideological priorities and the dialectic of narratives about the search for the historical identity of Kazakh society.

The destruction of the traditional way of life for Kazakhs as a result of forced collectivization and sedentarization in the 1920s and 1930s continued to be discussed in scientific and political discourse. Many members of the Kazakh intellectual community in the 1950s and 1970s produced historical and cultural narratives about the idea that nomadic culture was backward. However, there were also attempts to overcome the cultural trauma of being seen as “unhistorical”. The accepted way to overcome this trauma within the existing hierarchy was through the scientific and ideological exploration of the archaeological heritage of settled agricultural cultures on the territory of Kazakh SSR.

At the same time, some representatives of the new generation of Kazakh intelligentsia (O. O. Suleimenov, M. M. Auezov, N. E. Masanov) implemented the scientific and cultural incorporation of the historical subjectivity of the post-Nomads into the world history of civilization, without distancing themselves from the nomadic cultural heritage. However, almost a century later, the influence of the sedentarian hierarchies continues to persist in scientific, public and even official historical narratives of the 21st century.

Keywords: cultural hierarchy; historical narrative; ideological discussion; subjectivity; historical memory; history of Kazakhstan; nomadic culture; post-nomadism

Financing:

The article was prepared as part of the implementation of a grant financing project by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan, IRN: AP19680622, titled «Ideological Discussions of the 20th and 50th Centuries and Their Impact on the Deformation of Scientific Historical Knowledge in Soviet and Post-Soviet Times».

For citation:

Abylkhozhin Zh. B. and Krupko I. V. Ideological discussions and the search for the historical subjectivity of Kazakh society in the twentieth century. *New Research of Tuva*, 2024, no. 3, pp. 265-278 (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2024.3.15>

ABYLKHOZHIN, Zhulduzbek Bekmukhamedovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief researcher, Department of Historiography, Source Studies and Modern Methodology, Ch. Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology. Postal address: 28 Shevchenko St., 050010, Almaty, Kazakhstan. E-mail: abylkhozhin@mail.ru

KRUPKO, Igor Vladimirovich, PhD, Deputy Director, International Centre for the Rapprochement of Cultures under the auspices of UNESCO. Postal address: 120/94 Kunaev St., 050010, Almaty, Kazakhstan. E-mail: tengri95hismatulin@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5349-0256

Введение

Корни многих современных противоречий, аксиологических асимметрий, образов и подобию исторической памяти казахстанского общества, отразившись в идеологических дискуссиях XX века, проросли в пост-традиционных, пост-имперских и пост-советских культурных разломах и возведенных на их месте идеологических конструктах. Случившаяся в 20-30-е годы XX века насильственная седентаризация кочевого казахского общества вызвала радикальную перестройку факторов идентичности и субъектности (Абылхожин, 2022; Тлостанова, 2020; Камерон, 2020). В частности, до седентаризации идентичность в казахской культуре определялась кочевым хозяйственно-культурным типом, т. е. граница само-определения проходила не по линии этнической идентификации, а между кочевым и оседлым образом жизни той или иной группы. Тип деятельности и образ жизни преобладали над другими идентичностями, как «до недавнего времени государственность превалировала над этничностью в Западной Европе, а конфессиональность — на Востоке» (Масанов, 2011: 247). И только «после оседания казахов этническое самосознание заменяет хозяйственно-культурное и становится самодостаточной ценностью» (там же: 247).

Другим важным изменением стало то, что разрушение основ традиционного хозяйственно-культурного типа деятельности казахов перенаправило архетипы его родоплеменной структуры из области рационально-обусловленного — в сферу символического. Социальная структура, основанная на родоплеменных самокатегоризациях, из важного фактора экономического регулирования в традиционном казахском обществе перешла в единственную оставшуюся под относительным внутренним контролем сферу — символического ресурса. Опорой данного символического ресурса были, в том числе, образы исторической памяти, что стало дополнительным фактором возрастания ее значимости. Кроме того, академический, официальный и общественный нарративы стали во многом определяться идеологическими приоритетами, сформированными как в рамках советской идеологии, так и унаследованные от более ранних эпох.

В XX в. на процесс определения идеологических приоритетов и их выбор в деле выстраивания исторической субъектности и памяти казахстанского общества (сначала извне, затем собственными силами) значительное влияние оказали седентаристские стигматизации. В этом отношении доминирующим трендом ориенталистской части советской гуманитаристики было утверждение представлений об исторически тупиковой, деструктивной роли нomaдизма для мировой истории. Поэтому в казахстанской гуманитаристике, создававшейся силами так называемого Центра (учеными и идеологами Москвы и Ленинграда), а затем и казахстанскими учеными, проходившими обучение и научную социализацию в вышеупомянутых центрах, в нарративах исторической памяти казахстанского общества, производимых научными институциями, происходило культивирование «памяти» о городищах и памятниках оседло-земледельческой культуры, как объектах, имеющих первостепенное значение для воплощения археологических контуров нации (Бустанов, 2017).

Конечно, некоторые ученые, глубоко занимавшиеся проблемами тюркского нomaдизма, еще с конца XIX в. преодолевали седентаристские или европоцентристские предубеждения против объекта своего исследования (Синицын, 2021). Но в нарративах исторической памяти, среди широкого читателя такая иерархия культур, типов хозяйства и исторического «превосходства» доминировала всецело.

В советской исторической науке и культурных нарративах Казахстана, поначалу структурированной и направлявшейся извне, существовала седентаристская иерархия ценностей кочевого и оседлого образов жизни и типов хозяйства. Теоретики и сторонники седентаризма мыслили категориями создаваемой иерархии: кочевой образ жизни, согласно им, иерархически находился на «нижней» ступени эволюции, оседлый — на «высшей». Здесь важно отметить, что речь идет о теоретических конструкциях в умах авторов, в том числе о таком социокультурном и теоретическом конструкте, как иерархическое противопоставление и телеологическая стадильность кочевого хозяйственно-культурного типа (ХКТ) по отношению к оседлому.

Идеологический конфликт между социокультурными проекциями двух базовых ХКТ (кочевого и оседлого) в мировой культуре существовал с древности, в разные периоды обретая более острые формы или заземляясь в мирном сосуществовании, обмене и даже диалоге (Крадин, 2001). Хронологически появление этих сюжетов в казахстанской историографии относится, по крайней мере, к началу XX в., когда осмысление такой научной проблематики исследователями, идеологами и

государственными деятелями стало обретать идеологические и конкретные социально-экономические последствия для дальнейшей судьбы казахского народа и трансформаций его хозяйственно-культурного типа (Асфендияров, 1930: 15).

Последующий идеологический выбор казахстанской интеллигенции в этом вопросе можно разделить на: 1) следование выученной иерархии в исторических нарративах и 2) попытки ее преодоления. Однако на практике две эти противоположности зеркально отражались и возникали друг из друга (преодоление травмы зачастую следовало логике иерархии, соответствуя системным «ожиданиям» категорий седентаризма). Образовавшийся в результате этого процесса комплекс культурных травм стал системным в XX-м и перекочевал в XXI-й век (Мартин, 2002), когда формы национальных культур легитимно создавались в рамках советской этнической инженерии, но их более субъектное содержание блокировалось, усиливая их сопротивление, формируя в нарративах виктимизацию (синдром жертвенности) и глорификацию (поиск исторического величия).

Именно это здесь и далее определяется нами как понятие «травм постномадизма» — комплекс культурных и экзистенциальных влияний травматических событий 1920–1930-х гг., во многом определивших поиск исторической субъектности значительной части казахской интеллигенции после насильственной седентаризации казахов, а затем перешедший в научные и культурные формы в результате социализации новых поколений казахской интеллигенции в рамках седентаристских идей.

Этот ключевой и наиболее болезненный, но неосознаваемый сюжет для формирования идеологических приоритетов и нарративов в Казахстане обозначили лишь немногие исследователи.

Частично эта проблема была поставлена в последних работах Н. Э. Масанова (Масанов, 2011; Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007).

Историк К. Пужоль, исследовав данный сюжет на примере семиотики пространства Астаны (столицы Казахстана после 1997 г.), образно охарактеризовала «победу оседлой идеологии над кочевой свободой, победу письменной культуры над устной традицией» (Пужоль, 2015: 119) и «неосязаемую память кочевой культуры пространства» как неотъемлемую характеристику казахстанской культуры (там же). Вероятно, подобный эклектичный эстезис пространства новой столицы в сердце Евразии, призванный отразить новую историческую субъектность эпохи независимости, производился в попытке соединить искусственный урбанистический пейзаж и естественные корни прерванной когда-то кочевой культуры (Абылхожин, 2003: 190–191). Здесь следует заметить, что, если сравнивать два подхода к строительству столиц, то при архитектурной модернизации столицы советского Казахстана — Алма-Аты (в 1950–1980-е годы расцвета советского модернизма) — инженеры-проектировщики и художники отнюдь не игнорировали «степные мотивы», а напротив — органично вплетали их в культурный ландшафт города и идеологический узор движения пост-традиционной культуры к «светлому будущему».

Некоторые социопсихологические проекции коллективизации в казахской культуре были подробно исследованы в работе «Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты» (Абылхожин, 2022). В нашей же статье речь пойдет не столько о социальной психологии, сколько о «нарративном психоанализе» на материалах казахстанской историографии. Нас будут интересовать исключительно проекции седентаризма и постномадизма (т. е. культурной истории казахов после насильственной седентаризации) в идеологических приоритетах и нарративах истории Казахстана в XX в.

Целью работы является постановка и исследование проблемы влияния иерархических категорий седентаризма и травм постномадизма на поиск исторической субъектности казахстанского общества в XX в. В этой связи мы поставили две задачи: 1) исследовать идеологические установки и приоритеты в некоторых научных работах и дискуссиях российских и советских авторов, транслировавших идеологическое наследие культурных иерархий седентаризма в научном нарративе; 2) исследовать попытки осмысления и преодоления травм пост-номадизма в работах казахстанских авторов.

Объектом исследования являются нарративы исторической субъектности казахстанского общества в научном, общественном и официальном исполнении. Предмет исследования — иерархические категории седентаризма и травмы постномадизма на обозначенном материале.

В своем исследовании мы опирались на несколько групп источников, разделяемых на:

1) академические (научные) работы (от внешних описаний исторической субъектности казахов до внутренних производителей исторических знаний и культурных парадигм);

2) тексты, составляющие общественный нарратив памяти: публикации интеллигенции, литература, в которой осуществлялись попытки осмысления главных проблем исторической памяти казахстанского общества, мемуары представителей интеллигенции, эго-документы;

3) тексты официального нарратива (язык власти): некоторые государственные программы и национальные проекты, отражающие и направляющие акценты исторической политики.

Все три категории представлены также и в архивных источниках, хранящихся в фондах Центрального государственного архива кино-фото-фонодокументов и звукозаписей Республики Казахстан (ЦГА КФДЗ РК) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ).

Также необходимо отметить важный вопрос — субъекта познания. За XX век казахстанское общество, воплощенное в действиях и идеологемах как внешних, так и своих элит, прошло путь от объекта к субъекту познания и творчества, поэтому сначала в статье рассматриваются работы авторов «внешних» для казахстанского общества — российских, советских ученых и идеологов, идеи которых затем стали развиваться новыми поколениями формирующейся казахстанской интеллигенции в диалоге и противостоянии со своими учителями.

Корни седентаризма в научном нарративе и парадоксы культурного наследия

Идеологическое наследие иерархического мышления в категориях седентаризма можно найти в нарративах более ранних исторических эпох и на Востоке, и на Западе (Крадин, 2001). В условиях интеграции в систему Российской империи такие иерархии и нарративы использовались для патерналистской легитимации цивилизаторской политики и историософского обоснования последующего закрепления кочевников в юридической системе империи.

Потребность этого иллюстрирует, например, отчет генерал-губернатору Западной Сибири 1875 г. генерал-адъютанта Н. Г. Казнакова, приведенный в монографии Ф. Л. Сеницына:

«Со времени принятия киргизами (казахами. — *Авт.*) русского подданства успехи, достигнутые ими в гражданственности, ничтожны. Доколе киргизы будут одиноко совершать в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочевок, вдали от русского поселения, они останутся верноподданными лишь по названию и будут числиться русскими только по переписям» (Сеницын, 2021: 18).

Протест против подобных нарративов власти-знания, осознавался и был выражен даже в таком ключевом документе правового и политического волеизъявления казахов начала XX в., как «Каркаралинская петиция» (1905 г.), подписанном 42 влиятельными представителями казахских элит. В ней сказано:

«Почему занятие скотоводческой культурой должно лишать киргиза избирательного права, когда такового права не лишает занятия торговлей, земледелием, рыболовством и другими промыслами? ... Не доказано, чтобы киргизы (казахи) общественные и государственные задачи понимали хуже русских крестьян, не говоря уже о других оседлых инородцах...» (ЦГА КФДЗ РК, ф. 537, оп. 1, д. 2, л. 14).

Проблема оседания казахов обсуждалась и на страницах газеты «Казах», и журнала «Айкап» в связи с проблемой землепользования в условиях переселенческой политики Российской империи и определением всевозможных территориальных и социокультурных границ¹. Очевидно, что проблема седентаризации для казахского общества возникла вместе с проблемами само-определения при соприкосновении и сближении с окружающим оседло-земледельческим миром, когда в XX веке пришло время жить по его седентаристским правилам.

Со временем эти правила и нарративы были использованы новой внешней администрацией для «обоснования необходимости скорейшего перевода кочевников на оседлый образ жизни» (Масанов, 1995: 9). В то же время следует отметить, интересный для нашей темы исторических нарративов, заключенный в научном описании таких более ранних ориенталистов как, например, А. И. Левшин, эффект «исторической мобильности» — перспективный потенциал историософского удреждения в будущих нарративах советского и пост-советского периодов (Левшин, 2005: 46). Казах-кочевник в этих

¹ Байтурсинов А. Тағыда жер жайынан // Айқап, 1911, № 4. 1–4 б.; Бөкейханов Ә. Қазақ һәм жер мәселесі // Қазақ, 1914, № 54; Дулатов М. Жер мәселесі // Айқап, 1911, № 11. 8–10 б.; Мәрсеков Р. Қазақ қайтсе жерге ие болады? // Айқап, 1912, № 1. 5–7 б.; № 2. 30–33 б.; Сейдалиев Ж. Жер жайынан бір-екі ауыз сөзі // Айқап, 1912, № 10. 222–223 б.; Әлжанов Ш. Тағы да жер жайынан // Айқап, 1911, № 4. 4–6 б.; Жастанбеков К. Тағы да қазақ жері жайында // Айқап, 1912, № 4. 56–58 б., 100–103 б.; № 6. 131–134 б.; № 7. 155–157 б.

нарративах предстает как неизменный представитель древней истории, застывший в культурном гомеостазе вечного движения. В этих нарративах время замедляется мобильностью в пространстве.

После 1917 г. для советских нарративов единственно правильным теоретико-концептуальным инструментарием исследования кочевников определяется марксистский: гомеостатический «базис» номадов (в частности, казахов) в марксистской телеологии определял, что в социальной «эволюции» они не переступили границ «позднепервобытной стадии» (Крадин, Бондаренко, 2002).

Некоторые деятели казахской национальной интеллигенции еще в начале XX в. констатировали эту концептуально-травмирующую ситуацию в советских гуманитарных науках: «С представлениями о кочевом хозяйстве связано представление об очень примитивном хозяйстве с крайне низким уровнем техники, и соответственно общественная структура определяется как родовое общество, т. е. бесклассовое или переходящее к классовому обществу» (Асфендияров, 1930: 15).

Тем не менее, седентаризация преподносилась ее идеологами и проводниками как кампания «по выведению казахов-кочевников и полукочевников на рельсы культурного и социального прогресса» (Абылхожин, 1991: 58), игнорируя при этом то, что кочевой хозяйственно-культурный тип жизнедеятельности был сформирован веками объективной исторической эволюции в рамках регуляции экосистемы. Такая адаптация и породила систему пастбищно-кочевое скотоводства.

В то же время, в обозначенных дискуссиях активно выступали ученые, научно опровергавшие эти культурные иерархии и предвидевшие грядущую катастрофу массового голода 1930-х гг. Так П. П. Швецов в своей работе «Природа и быт Казахстана» (1926 г.) писал:

«...Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился до сегодняшнего дня здесь не потому, что сам казах и казахское хозяйство еще так примитивны, что не доросли в большей своей части до культурного уровня оседлого состояния. В сухих степях с редкими и скудными водными источниками человек может вести только скотоводческое хозяйство, притом хозяйство кочевое, т. к. растительность в таких местах скудная, пригодная для корма скота относительно короткое время, и скот вынужден передвигаться за кормом с места на место, иногда на огромные расстояния.... Устраните это периодическое передвижение скота, и казаху нечего в ней будет делать, т. к. никакое иное хозяйство здесь невозможно, и степь, кормящая теперь миллионы казахского населения, превратится в пустыню...» (Швецов, 1926: 93–94).

Известный теоретик сельскохозяйственного производства А. Н. Челинцев также хорошо осознавал всю пагубность игнорирования экологических условий и потому, выступая на специальном заседании в Земплане РСФСР, признавал существование достаточно жестких пределов развития в крае зернового хозяйства. В частности, он подчеркивал, что в зоне с осадками от 200 до 300 мм ведущие позиции должны сохраняться за экстенсивным скотоводством (Челинцев, 1928: 5).

Однако, аргументы специалистов заглушались в высоких партийных кабинетах, поскольку их «сидельцы» уже объявили очередной бой с объективной историей и экологией (Голощекин, 1930).

Произошедшая в 1920–1930-е гг. седентаризация продолжилась в укреплении идеологических приоритетов гуманитарных наук, изучавших казахскую историю и культуру (Абылхожин, 1991). В середине XX в. в этой области актуализировалась концепция автохтонизма, авторы которой утвердили исследование всех древних и средневековых объектов, находившихся на территории национальных республик СССР в качестве автохтонного культурного наследия титульных народов этих республик. Применительно к советским историко-археологическим школам республик Центральной Азии концепция развивалась С. Толстовым (Толстов, 1933). В результате казахстанской интеллигенцией осуществляются научные и творческие исследования и освоение культурного наследия городов Центральной Азии, включение его в нарративы обретения исторической субъектности (Шнирельман, 2009). В этот процесс включились новые поколения казахстанской интеллигенции уже на правах производителей знаний.

Так с 1950 г. А. Маргуланом и последующими поколениями археологов Казахстана разрабатывалась теория взаимозависимости номадов Центрального Казахстана и жителей оседло-земледельческих оазисов Юго-Восточного Казахстана (Маргулан, 1950). При этом идея наибольшей значимости средневековых городов в арсенале культурного наследия стала основополагающей. Дальнейшее комплексное исследование темы позволило ученым говорить о длительном опыте взаимовыгодного сосуществования различных хозяйственно-культурных типов на данной территории в зависимости от комплекса исторических и природно-климатических факторов (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972).

Некоторые усилия советской культурной и исторической политики привели к результатам далеким от изначального замысла. В частности, свою роль здесь сыграли идеологические ограничения, существовавшие как в вопросе «внеисторичности» кочевой культуры, так и проблеме начала субъектности. На закономерный вопрос новых поколений казахской интеллигенции «Откуда отсчитывать свою историю?» давался весьма определенный ответ. Так, например, в 1947 г. первый секретарь ЦК КП(б) КазССР Ж. Шаяхметов выразил доминировавшую идеологическую установку так: «Подлинная история казахского народа, как и других народов Советского Союза, началась только после Октябрьской революции»¹. Такие идеологические границы исторической памяти определили основные направления деятельности интеллигенции во второй половине XX в. А представления о такой иерархии, выстроенные на патерналистской основе младших и старших братьев (народов и культур), вызывали у национальной интеллигенции потребность преодолевать эти ограничения в поиске исторической субъектности.

Парадокс заключался и в том, что идеологическое руководство страны, с одной стороны, стимулировало рост этнонационального самосознания, а с другой — блокировало проявления субъектности, выходящей за дозволенные пределы предписанного статуса «младшего брата» и пресекало попытки осмыслить драматические страницы истории такого родства.

Интересным, но закономерным парадоксом исторической памяти казахстанского общества стало переформатирование культурного наследия. Влияние на это оказал процесс возросшей борьбы с религией в Советском Союзе, называемый «хрущевской антирелигиозной кампанией» апофеоз которой происходил в 1958–1964 гг. Этот процесс в сочетании с некоторыми трансформациями «оттепели» стал одной из причин наполнения отдельных важных идеократических установок обновленным содержанием (Штырков, 2011). Так, например, в 1958 г. на XIII съезде ВЛКСМ начался новый этап борьбы за «новую обрядность», интересным образом повлиявшая на процесс нациестроительства в советских республиках². Основным идеологическим содержанием этой кампании оказалась борьба за «прогрессивные» народные традиции. Результатом ее стало выведение обрядов, ритуалов, древних и средневековых археологических памятников из-под определения «религиозные» и обозначение их в качестве «народных». Эта коммеморативная практика *recycling* — переформатирование культурных артефактов, первоначальное значение и назначение которых меняется путем наполнения новым социальным смыслом (Штырков, 2011), в свою очередь, оказало дополнительное влияние на рост этнонационального самосознания в республиках.

Самой репрезентативной работой на границе идеологического и научного нарративов в этом вопросе стала брошюра К. Акишева и Е. Агеевой «Древние памятники Казахстана», изданная в 1958 г. (Акишева, Агеева, 1958). В ней ученые ретранслируют обозначенные выше идеологические меседжи следующим образом:

«Главной задачей брошюры является восстановление исторической правды... Известно, что строительство их осуществлялось руками народа, под руководством талантливых мастеров-умельцев, выходцев из народа. Поэтому эти памятники считаются не мавзолеями того или иного хана, султана, бия, а национальным памятником, памятником народной архитектуры» (там же: 4).

Завершается книга призывом: «...учителя-историки должны противопоставить широкую пропагандистскую работу среди населения, особенно среди молодежи, по разъяснению научно-познавательного характера этих памятников, популяризировать древние архитектурные памятники как гениальные творения народа» (там же: 60).

Так на границе научного и идеологического нарративов осуществлялось переосмысление функции сакральных памятников и археологических объектов в формате общенационального культурного наследия.

Именно тогда, в эту «осевую» для казахстанской культуры эпоху 1960–1980-х гг. хронотоп исторической памяти казахстанского общества обрел смыслообразующее содержание — героические и трагические образы средневековой городской культуры. 1960–1980-е названы нами «осевой эпохой»

¹ Шаяхметов Ж. 30 лет борьбы и побед казахского народа под знаменем Ленина-Сталина // Большевик Казахстана. 1947. Ноябрь. № 11. С. 31.

² Шеварднадзе Э. А. Речь на XIII съезде ВЛКСМ // Комсомольская правда. 1958. 18 апреля. № 92. С. 4; Шелепин А. Н. Доклад секретаря ЦК ВЛКСМ тов. А. Н. Шелепина // Комсомольская правда. 1958. 16 апреля. № 90. С. 3.

для казахстанской культуры, поскольку именно в эти десятилетия зрел многосложный континуум образов и смыслов, парадигм и нарративов, травм и открытий, ставший основой новой субъектности Казахстана.

Первые попытки преодоления травм пост-номадизма в работах казахстанских авторов второй половины XX века

Одной из первых известных нам попыток такого публичного осмысления травмы седентаризации и коллективизации стало выступление на Пленуме Союза писателей КазССР 15 сентября 1975 г. культуролога и литературоведа М. Ауэзова. Мы приведем обширную цитату из его речи, наиболее показательную в отношении нашей темы:

«В Казахстане в результате перегибов, допущенных в области коллективизации, в 1932–1933 годах произошел голод. Численность населения кочевых и полукочевых скотоводческих районов резко сократилась. Об этом знают в каждой семье. Не знают этого, за редким исключением, бумага, холст, экран. Если быть точнее, не знает художественное сознание...»

Крах традиционного кочевья был предопределен объективным ходом истории, но финал его был столь трагичным, что последствия глубочайшего шока, поразившего национальное сознание, дают о себе знать и теперь. Не сумев отреагировать на происшедшее, казахское художественное сознание лишилось главного свойства — быть пронизательным и правдивым...» (Ауэзов, 2018: 98).

Одной из причин такого призыва к исторической памяти во многом стало сочетание идеологических послаблений оттепели, давших в 1960–1970-е годы свои результаты, и в то же время идеократические ограничения в осмыслении интеллигенции идеологических проектов коммунистического будущего. Критическое, научное и творческое осмысление было естественным образом направлено на неосмысленные проблемы прошлого с тем, чтобы ответить на вопрос «Кто мы?». Табуирование той или иной темы (в особенности, такой травматической как массовый голод и разрушение основ хозяйственно-культурного типа) до конца 1980-х гг. не могло не породить травмы и блокировать часть созидательных сил культуры (Ауэзов, 2016).

Культурная травма, вызванная мног десятилетней интeориторизацией седентаристских стигматизаций, отражалась в произведениях казахстанской интеллигенции. С середины XX в. часть национальной интеллигенции включается в активный процесс открытого преодоления этих иерархий и идеологических приоритетов, переизобретая и находя образы своей исторической субъектности. Наиболее очевидно это проявилось в искусстве тех лет, а особенно — в фильмах, посвященных историко-культурной тематике и создававших историософские формулы «маршрутов в будущее»: «История знака коровы», «Память земли», «Писатели двух континентов», «Город, который люблю»¹.

В дневниках 1970-х гг. М. Ауэзов записывает афоризм, раскрывающий суть творческого метода обретения субъектности, возможного только в нарративах искусства, но не науки: «Кровоточат раны — не в храме академизма им исцеление» (Ауэзов, 2011: 76). В 1976 г. составленный им научный сборник «Эстетика кочевья», изданный Институтом философии КазССР тиражом 3 тыс. экземпляров, представлявший одну из первых попыток ответить на волновавшие национальную интеллигенцию экзистенциальные вопросы обретения исторической субъектности, был изъят и уничтожен служителями госбезопасности (там же: 78).

В том же 1976 г. по стране пронеслась широкая волна идеологических дискуссий и осуждения книги «Аз и Я» О. Сулейменова, оказавшей значительное влияние на общественный нарратив исторической памяти казахстанского общества (Сулейменов, 1975). В книге автор в переплетении струн мировой истории обозначил линию культурного развития тюркского номадизма, в разные периоды влиявшего не только на военно-политическую, но и оставившего отчетливые следы в истории разных культур. Поэт исследовал альтернативную идеологическим установкам исторических нарративов историю че-

¹ ЦГА КФДЗ РК (1968), арх. № 2044 «История знака коровы», режиссер Ю. Мингазитдинов, оператор В. Осеников, автор сценария О. Сулейменов, студия «Казахфильм»; ЦГА КФДЗ РК (1970), арх. № 4867 «Память земли», режиссер А. Батпаев, оператор Р. Сабиров, научный консультант А. Маргулан, студия «Казахфильм»; ЦГА КФДЗ РК (1973), арх. № 3449 «Писатели двух континентов», режиссер А. Машанов, операторы Б. Арстанбеков, Б. Даулбаев, А. Ишанов, автор сценария А. Машанов, студия «Казахфильм»; ЦГА КФДЗ РК (1981), арх. № 4809 «Город, который люблю», режиссер и оператор А. Лаптев, студия «Казахфильм».

ловческой мысли, воплощенную, не менее чем в других, в знаках неопредмеченной культуры кочевников (Крупко, 2023).

О том, как чутко идеологическая система реагировала на подобные «отклонения» (а на деле — естественные требования исторической справедливости в попытках разобраться в своем прошлом, неотделимом от истории мира) свидетельствует мощная кампания, развернувшаяся в 1975–1976 гг. Автора и издателей книги, несмотря на строгие выговоры и два осуждения (первое — в Академии наук СССР, второе — в ЦК Компартии Казахстана), от более серьезных последствий спасла только активная позиция первого секретаря ЦК КП КазССР Д. А. Кунаева, заручившегося поддержкой Брежнева в противостоянии с секретарем ЦК по идеологии — М. Суловым (Сулейменов, 2023). Так, например, в записке секретарю ЦК КПСС М. В. Зимянину заместитель министра иностранных дел СССР В. Семенов писал:

«Фактически это настоящая вылазка националистического, пантюркистского характера, направленная против линии КПСС в области дальнейшего укрепления дружбы народов и советского патриотизма. О. Сулейменов пишет, что у него имеются “последователи” среди писателей Казахстана. Возможно, это нацелено на сколачивание диссидентов-националистов» (РГАНИ, ф. 5, оп. 68, д. 420, л. 11).

В статье «Кочевники и культура: казахский эксперимент» 1977 г., опубликованной в журнале ЮНЕСКО «Культура» автор «Аз и Я», спустя год после идеологической кампании против книги и почти полного изъятия ее тиража (160 тыс. экз.) рефлексировал об этом так:

«Кто такой кочевник? Для ума, воспитанного историческими трудами, кочевники — это скитающиеся орды, которые не имели никакого понятия о границах или о собственности на землю. Они не были знакомы ни с моралью, ни с правом. И, естественно, не ведали таких высоких категорий, как вера, честь, совесть, любовь... Я выступаю как осуждаемый кочевник, который требует права последнего слова после приговора, вынесенного историками» (Сулейменов, 1990: 38).

Материалы таких идеологических дискуссий позволяют исследовать, как идеологи, транслировавшие обозначенную выше иерархию культур, проводили в республиках «наушение этничности», но в итоге сформировали у советских пост-кочевых народов травмированную субъектность. И все же, часть казахской национальной интеллигенции, как мы видим, посвятила жизнь преодолению травматических образов «тупиковой исторической роли» номадизма, навязанных седентаристской историографией.

В то же время, следуя тому же стремлению преодолеть культурную травму «внеисторичности», но не преодолевая саму логику иерархии «кочевого как регрессивного — оседлого как прогрессивного» большинство представителей гуманитарного сообщества Казахстана не выстроило внутренних границ своей исторической субъектности, оказавшись в седентаристской ловушке между представлениями о примордиальной неспособности к историческому созиданию и рецепцией культурного наследия городов Центральной Азии, оказавшихся на территории КазССР. Границы между подлинным и конструируемым культурным наследием пост-номадизма перемешались в соответствии с принципом территориальных границ национальных республик в XX в.

Таким образом, в призме абсолютизированной тогда концепции линейно-поступательной динамики исторического процесса номадизм продолжал восприниматься и в конце XX в. как тупиковая ветвь исторического и социокультурного развития, «застывшего» в циклическом хронотопе степи. Поэтому фактор кочевничества оставался «неудобной» данностью для поиска и утверждения седентаристской исторической субъектности казахстанского общества. Последняя же нередко понималась как «встраивание» в универсальную прогрессивно-поступательную «линейку» исторического развития. Атрибутивным же «пропуском» в ее ряды считались для аграрных обществ земледелие и городская культура (Плетнева, 1967).

Все это продолжало усиливать значимость историко-археологических поисков земледелия и следы городской культуры на территории, очерченной границами КазССР. Участились также нарративы, в которых с удовлетворением и гордостью утверждалось, что и в более поздние периоды XIX — начала XX века кочевники стихийно и массово переходили к оседлому земледелию (свидетельству «прогресса») (Лиджиева, 2023; Сеницын, 2021). И тогда частным (локальным) фактам и явлениям придавался характер всеобщности.

Вероятно, отчасти и сказанным выше объясняется, почему даже в более поздний период после 1991 г. в казахстанской историографии нередко игнорировались публикации выдающегося ученого-кочевниковеда Нурболата Масанова, последовательно, на научных основаниях отстаивавшего право номадизма казахов на историческую субъектность, несмотря на многочисленных оппонентов в лице травмированных седентаризмом коллег (одному из авторов этой статьи вспоминается, как на одном заседании диссертационного совета один из его членов, профессор вопрошал: «До каких пор Масанов и ему подобные будут унижать казахов и писать, что они были кочевниками?», что характерно при этом немало других членов совета восприняли эту ремарку с выраженным одобрением).

Н. Э. Масанов еще со второй половины 1980-х гг. в своих публикациях исследовал причинно-следственную детерминацию природно-климатического императива и пастбищно-кочевое скотоводства. Однако при этом он не ограничивался лишь констатацией смыслов географического поссибилизма, но предложил его развернутый и детальный анализ. Территория Казахстана являлась одним из самых обширных в мире ареалов номадизма и Н. Масанов опирался в своем анализе на огромное многообразие региональных источниковых материалов, исследуя их вариации (Масанов, 2011).

Он детально описал адаптивно-адаптирующие возможности кочевничества как эффективного способа достижения гомеостаза – динамического равновесия природных и социально-экономических предпосылок хозяйственной деятельности. При этом подчеркивалось, что номадизм настолько органично интегрировался в аридизированную экосистему, что стал выполнять определенную функцию в ее воспроизводстве.

Углубленное описание характеристик потенциальной емкости экосистемы позволило ему убедительно показать несостоятельность распространенного в литературе мнения, что кочевое скотоводство в процессе своего развития неизбежно вступает в фазу спонтанной седентаризации. Как писал ученый, возможности такой эволюции блокировались не только доиндустриальным уровнем развития производительных сил аграрного общества, но и, главным образом, постоянством природно-климатических императивов (Масанов, 1995).

Важное значение имеет концепция Н. Масанова об ареальных и маргинальных зонах функционирования кочевое скотоводства. К ареальным он относил аридные пространства Казахстана, к маргинальным — субаридные территории, имевшие анклавно-вклинивавшиеся конфигурации или занимавшие периферийное положение по отношению к кочевому ареалу. И именно на границах периметра маргинальной зоны прерывалась распространенность земледелия и городской культуры. Отметим также, что, занимаясь проблемами этногенеза, исследователь полагал, что признаки этнизации имели больше предпосылок для своего накопления в ареальных зонах номадизма, тогда как в маргинальных — они растворялись (Масанов, 2011).

Значительный объем новых знаний был произведен Н. Масановым в области изучения социально-экономических отношений в традиционных структурах. В частности, он глубоко проанализировал функции и реальные (но не воображаемые) смыслы патриархально-генеалогических (родоплеменных) и регионально-партикуляристских (жузовых) идентификаций и связей, отмечая при этом, что они играли роль своеобразных социально-информационных сетей, востребованных и объективировавшихся именно спецификой номадного способа производства.

Можно было бы еще долго продолжать перечень научно-оригинальных позиций исследователя. Серьезные исследователи номадизма, читая фундаментальную монографию Н. Э. Масанова «Кочевая цивилизация казахов» (Масанов, 2011), которая, к сожалению, оказалась итоговой в научном творчестве ученого, не могут не заметить, что почти каждый ее проблемный раздел насыщен новаторскими для казахстанской историографии концептуальными прозрениями. Однако, вопреки признанию его международным научным сообществом, в казахстанских нарративах ситуация с признанием права кочевой культуры казахов на историческую субъектность, мало изменилась со второй половины XX в.

О сохраняющемся приоритете наследия средневековой городской культуры перед кочевым прошлым казахского народа свидетельствует даже факт закрытия и переформатирования Института исследований номадизма, созданного в последний год жизни Н. Э. Масанова (2005–2006 г.) и просуществовавший еще несколько лет до 2011 г. под руководством И. Ерофеевой.

Несмотря на наличие серьезного интеллектуально-новаторского задела, воплощенного в научном творчестве описанных выше авторов, влияние седентаристских иерархий оказалось сильнее научного нарратива, отразившись в официальном нарративе эпохи независимости¹. В нем диалектика кочевого и оседлого составляет сложное культурное наследие, очерченное территориальными границами, изучаясь в едином пространстве национальной истории (Байпаков, 2014: 25–30; Нурпеисов, 2020).

Заключение

Травмированная в результате разрыва основ своего автохтонного хозяйственно-культурного типа, историческая субъектность казахского общества формировалась на протяжении всего XX в., обретая себя как одну из драматических линий развития мировой культуры в рамках седентаристской историософии и культурной иерархии «кочевого — оседлого».

Поиск и обретение обновленной исторической субъектности казахстанского общества новыми поколениями казахстанской интеллигенции проводился в равной мере в соответствии с идеологическими приоритетами советского государства и в виде открытых интеллектуальных протестов против них. Одной из ключевых стратегий в этом деле стал поиск субъектности через внутренний диалог с мировой культурой (поиск в истории фактов влияния степных кочевников на цивилизации древности) (Крупко, 2023), используя форму советской этнокультурной инженерии для производства нового содержания символического ресурса исторической легитимности казахстанской нации.

Исследованные травматические факторы XX в. продолжают определять идеологические потребности и рамки научного и общественного нарративов обретения исторической субъектности и памяти казахстанского общества и в XXI в. Открытым остается вопрос: возможно ли обозначить генеалогию своего знания и памяти в современных условиях, чтобы продолжить процесс нациестроительства на обновленных основаниях? Возможно ли вынуть из памяти травмирующие установки или осмыслить их как факторы, определявшие процесс обретения исторической субъектности дольше века? Какие усилия необходимы, чтобы осознать историческую роль кочевой культуры на территории Казахстана, воплотившую силу народа, преодолевшего изнурительные природно-климатические условия, в бесконечных перекочевках сотен поколений выработав комплекс адаптивно-адаптирующих методов взаимодействия с аридизированной экосистемой и создавшего собственную историко-культурную нишу в разнообразии мировых культур?

Вероятно, для такого осознания нужно, во-первых, возрождение критической интеллектуальной традиции в самой казахстанской историографии и культуре, а во-вторых, формирование интеллектуалами знаков и образов исторической субъектности, обоснованных историческими знаниями, которые вернут казахстанской культуре право на действие в XXI веке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абылхожин, Ж. Б. (1991) Традиционная структура Казахстана. Социально-экономические аспекты функционирования и трансформации (1920–1930 гг.). Алма-Ата : Ғылым. 240 с.

Абылхожин, Ж. Б. (2003) Казахстан: рурализация городов и эскалация конфликта между «модернизаторской» и «традиционалистской» идентичностями // Центральная Азия и Кавказ. № 6. С. 190–198.

Абылхожин, Ж. Б. (2022) Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: культурные и социально-экономические аспекты. Алматы : LEM. 300 с.

Акишев, К., Агеева, Е. (1958) Древние памятники Казахстана. Алматы : Казахское государственное издательство. 60 с.

Акишев, К., Байпаков, К. М., Ермакович, Л. Б. (1972) Древний Отрар (Топография, стратиграфия, Перспективы). Алматы : Наука. 214 с.

Асфендияров, С. А. (1930) Ислам и кочевое хозяйство // Атеист. № 58. С. 3–18.

¹ Концепция становления исторического сознания в Республике Казахстан и задачи отечественной археологии (к подготовке 10-томной истории казахов и Казахстана) [Электронный ресурс] // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. 2014, сентябрь — октябрь, № 5 (297). С. 226–232. URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/625> (дата обращения: 10.02.2024).

- Ауэзов, М. М. (2016) *Времен связующая нить*. Алматы : Жибек Жолы. 756 с.
- Ауэзов, М. (2011) *Дневники: уйти, чтобы вернуться*. Алматы : Жибек жолы. 292 с.
- Ауэзов, М. (2018) *Өнегелі өмір [Жизнь замечательных людей]* / под ред. Г. М. Мутанова. Вып. 131. Алматы : Қазақ университеті. 371 с. (На каз. яз.).
- Байпаков, К. М. (2014) Из истории изучения археологического и культурного наследия Отрара, Отрарского оазиса и Казахстана // *Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 40-летию работ Южно-Казахстанской комплексной археологической экспедиции* / отв. ред. О. В. Кузнецова. Алматы : б. и. 306 с. С. 8–14.
- Бустанов, А. (2017) *Между нацией и артефактом: восточная археология в советском Казахстане // Мусульмане в новой имперской истории: сборник статей* / отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, И. Герасимов, С. Глебов, А. Каплуновский, М. Могильнер, А. Семёнов. М. : ООО «Садра». 424 с. С. 76–98.
- Голощекин, Ф. И. (1930) *Партийное строительство в Казакстане. Сборник речей и статей (1925–1930 гг.)*. М. : Гос. Изд. РСФСР. 344 с.
- Изобретение религии: десекуляризация в постсоветском контексте (2015) / отв. ред. С. Штырков. СПб. : Издательство Европейского университета. 280 с.
- Камерон, С. (2020) *Голодная степь: Голод, насилие и создание Советского Казахстана*. М. : НЛЮ. 212 с.
- Крадин, Н. Н. (2001) *Кочевники в мировом историческом процессе* // *Философия и общество*. № 2 (23). С. 108–138.
- Крадин, Н. Н., Бондаренко Д. М. (2002) *Кочевая альтернатива социальной эволюции*. М. : Институт Африки РАН. 201 с.
- Крупко, И. В. (2023) *Переизобретение исторической субъектности казахов в творчестве Олжаса Сулейменова 1960-х гг.* // *Уральский исторический вестник*. № 1 (78). С. 123–132. DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Лаумулин, М. Т. (2000) Рецензия на книгу: «Le Kazakhstan» by Catherine Poujol. Paris: Presse Universitaire, 2000» // *Казахстан-Спектр*. № 3–4. С. 35–39.
- Левшин, А. И. (2005) *Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей*. Павлодар : МОН РК. ПГУ им. Торайгырова, НПФ «ЭКО». 212 с.
- Лиджиева, И. В. (2023) «Приохочивать к оседлости»: имперская политика на инородческих территориях // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. №2 (75). С. 11–20.
- Маргулан, А. Х. (1950) *Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана*. Алма-Ата : Издательство АН КазССР. 122 с.
- Мартин, Т. (2002) *Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма?* // *Ab Imperio*. № 2. С. 55–87.
- Масанов, Н. Э. (1999) *Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество* // *Вестник Евразии*. № 1. С. 46–61.
- Масанов, Н. Э. (2011) *Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества*. Изд. 2-е, доп. / сост. Л. Е. Масанова, И. В. Ерофеева. Алма-Ата : Print-S. 740 с.
- Масанов, Н. Э., Абылхожин, Ж. Б., Ерофеева, И. В. (2007) *Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана*. Алма-Ата : Дайк-Пресс. 296 с.
- Нурпеисов, М. М. (2020) *Судьба средневековых городов Жетысу на трассе Великого Шелкового пути* // *Вестник КазНПУ. Серия «Исторические и социально-политические науки»*. Т. 4. № 67. С. 180–189.
- Плетнева, С. А. (1967) *От кочевий к городам*. М. : Наука. 208 с.
- Пужоль, К. (2015) *Видимая и невидимая реманентная память кочевничества: история и современность* // *Мир Большого Алтая*. № 1 (3). С. 260–265.
- Синицын, Ф. Л. (2021) *Россия и кочевники. От древности до революции*. М. : Издательство ВЕЧЕ. 288 с.
- Сулейменов, О. О. (1975) *Аз и Я*. Алма-Ата : Жазушы. 304 с.
- Сулейменов, О. О. (1990) *Кочевники и культура: казахский эксперимент. Эссе, публицистика. Стихи, поэмы*. Аз и Я. Алма-Ата : Жалын. 592 с.
- Сулейменов, О. О. (2004) *Ты — мой герой. Собрание сочинений в 7 т.* Алма-Ата : Атамұра. Т. 6. Публицистика. 439 с.

Сулейменов, О. О. (2023) Так было... Алматы : Service press. 424 с.

Тлостанова, М. В. (2020) Деколониальность бытия, знания и ощущения. Алма-Ата : Центр современной культуры «Целинный». 192 с.

Толстов, С. П. (1934) Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах // Основные проблемы генезиса и развития феодального общества ; Пленум Гос. акад. истории материальной культуры. 20–22 июня 1933 г. / С. Н. Быковский, Е. К. Некрасова, А. С. Поляков, А. Г. Пригожин, В. И. Равдоникас, С. П. Толстов, А. Д. Удальцов, М. М. Бвибак. М. : ОГИЗ Социально-экономическое издательство. Вып. 103. 395 с. С. 165–199.

Челинцев, А. Н. (1928) Перспективы развития сельского хозяйства Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. № 4–5. С. 1–39.

Швецов, С. П. (1926) Природа и быт Казахстана: Казахское хозяйство в его естественно-исторических и бытовых условиях. Л.: Наркомзем Казак. АССР. 186 с.

Шнирельман, В. (2009) Символическое прошлое. Борьба за предков в Центральной Азии // Неприкосновенный запас. № 4(66). С. 70–86.

Штырков, С. (2011) Советские корни этнического традиционализма: случай Северной Осетии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 4. С. 66–79.

Дата поступления: 14.02.2024 г.

Дата принятия: 24.05.2024 г.

REFERENCES

Abylkhodzhin, Zh. B. (1991) *The traditional structure of Kazakhstan. Socio-economic aspects of functioning and transformation (1920–1930)*. Alma-Ata, Gylm. 240 p. (In Russ.).

Abylkhodzhin, Zh. B. (2003) Kazakhstan: the ruralization of cities and the escalation of the conflict between “modernizing” and “traditionalist” identities. *Tsentral’naia Aziia i Kavkaz*, no. 6, pp. 190–198. (In Russ.).

Abylkhodzhin, Zh. B. (2022) *Essays on the history of the traditional structure of the Kazakhs in the first Soviet decades: cultural and socio-economic aspects*. Almaty, LEM. 300 p. (In Russ.).

Akischev, K. and Ageeva, E. (1958) *Ancient monuments of Kazakhstan*. Almaty, Kazakh State Publishing House. 60 p. (In Russ.).

Akischev, K., Baipakov, K. M. and Erzakovich, L. B. (1972) *Ancient Otrar (Topography, Stratigraphy, Prospects)*. Almaty, Nauka. 214 p. (In Russ.).

Asfendiarov, S. A. (1930) Islam and nomadic farming. *Ateist*, no. 58, pp. 3–18. (In Russ.).

Auezov, M. M. (2016) *The thread connecting the times*. Almaty, Zhibek Zholy. 756 p. (In Russ.).

Auezov, M. (2011) *Diaries: leave to return*. Almaty, Zhibek zholy. 292 p. (In Russ.).

Auezov, M. (2018) *The lives of wonderful people* / ed. by G. M. Mutanova. Issue 131. Almaty, Қазақ universiteti. 371 p. (In Kaz.).

Baipakov, K. M. (2014) From the history of the study of the archaeological and cultural heritage of Otrar, Otrar oasis and Kazakhstan. In: *Materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 40th anniversary of the work of the South Kazakhstan integrated Archaeological expedition* / ed. by O. V. Kuznetsova. Almaty, s. n. 306 p. Pp. 8–14. (In Russ.).

Bustanov, A. (2017) Between a Nation and an Artifact: Oriental Archaeology in Soviet Kazakhstan. In: *Muslims in the New Imperial History: a collection of articles* / ed. by V. O. Bobrovnikov et al. Moscow, ООО «Sadra». 424 p. Pp. 76–98. (In Russ.).

Goloshchekin, F. I. (1930) *Party building in Kazakhstan. Collection of speeches and articles (1925–1930)*. Moscow, Gos. Izd. RSFSR. 344 p. (In Russ.).

The Invention of Religion: Desecularization in the Post-Soviet context (2015) / ed. by S. Shtyrkov. St. Petersburg, European University Press. 280 p. (In Russ.).

Cameron, S. (2020) *The Hungry Steppe: Famine, Violence, and the Making of Soviet Kazakhstan* / transl. from Engl. Moscow, NLO. 212 p. (In Russ.).

Kradin, N. N. (2001) Nomads in the world historical process. *Filosofia i obshchestvo*, no. 2 (23), pp. 108–138. (In Russ.).

- Kradin, N. N. and Bondarenko D. M. (2002) *A nomadic alternative to social evolution*. Moscow, Institut Afriki RAN. 201 p. (In Russ.).
- Krupko, I. V. (2023) Subjectivity of the Kazakh nomadic culture in the 1960s poetry of Olzhas Suleimenov. *Ural Historical Journal*, no. 1 (78), pp. 123–132. (In Russ.). DOI: [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1\(78\)-123-132](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2023-1(78)-123-132)
- Laumulín, M. T. (2000) Book review: “Le Kazakhstan” by Catherine Poujol. Paris: University Press, 2000. *Kazakhstan-Spektr*, no. 3–4, pp. 35–39. (In Russ.).
- Levshin, A. I. (2005) *Description of the Kirghiz-Kaysak or Kirghiz-Cossack hordes and steppes*. Pavlodar, MON RK. PGU im. Toraigyrova, NPF «EKO». 212 p. (In Russ.).
- Lidzhieva, I. V. (2023) “To look forward to settlement”: imperial policy in foreign territories. *Kaspiiskii region: politika, ekonomika, kul'tura*, no. 2 (75), pp. 11–20. (In Russ.).
- Margulan, A. Kh. (1950) *From the history of cities and the construction art of ancient Kazakhstan*. Alma-Ata, AN KazSSR Publ. 122 p. (In Russ.).
- Martin, T. (2002) An affirmative action empire: the Soviet Union as the highest form of imperialism? *Ab Imperio*, no. 2, pp. 55–87. (In Russ.).
- Masanov, N. E. (1999) Kazakh political and intellectual elite: clan affiliation and intraethnic rivalry. *Vestnik Evrazii*, no. 1, pp. 46–61. (In Russ.).
- Masanov, N. E. (2011) *The nomadic civilization of the Kazakhs: the foundations of the nomadic society*. 2nd ed / comp. by L. E. Masanova and I. V. Erofeeva. Alma-Ata, Print-S. 740 p. (In Russ.).
- Masanov, N. E., Abylkhozhin, Zh. B. and Erofeeva, I. V. (2007) *Scientific knowledge and myth-making in modern historiography of Kazakhstan*. Alma-Ata, Daik-Press. 296 p. (In Russ.).
- Nurpeisov, M. M. (2020) The fate of the medieval cities of Zhetysu on the Great Silk Road. *Bulletin Abai KAZNPU, the series of “Historical and socio-political sciences”*, vol. 4, no. 67, pp. 180–189. (In Russ.).
- Pletneva, S. A. (1967) *From nomads to cities*. Moscow, Nauka. 208 p. (In Russ.).
- Puzhol', K. (2015) Visible and invisible permanent memory of the nomadic culture of the space of post-Soviet cities. *Mir Bol'shogo Altaia*, no. 1 (3), pp. 260–265. (In Russ.).
- Sinitsyn, F. L. (2021) *Russia and the nomads. From antiquity to the revolution*. Moscow, Veche Publ. 288 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (1975) *Az and Me*. Alma-Ata, Zhazushy. 304 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (1990) *Nomads and culture: a Kazakh experiment. Essays, journalism. Poems, poems. Az and Me*. Alma-Ata, Zhalyñ. 592 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (2004) *You are my hero*. Collected works in 7 vols. Alma-Ata, Atamýra. Vol. 6. Publitsistika. 439 p. (In Russ.).
- Suleimenov, O. O. (2023) *It was like that...* Almaty, Service press. 424 p. (In Russ.).
- Tlostanova, M. V. (2020) *The decoloniality of being, knowledge and feeling*. Alma-Ata, Tsentr sovremennoi kul'tury «Tselinnyi». 192 p. (In Russ.).
- Tolstov, S. P. (1934) The genesis of feudalism in nomadic pastoral societies. In: *The main problems of the genesis and development of feudal society*; Plenum of the State Academy of the history of material culture. June 20–22, 1933. Moscow, OGIz Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo. Issue 103. 395 p. Pp. 165–199. (In Russ.).
- Chelintsev, A. N. (1928) Prospects for the development of agriculture in Kazakhstan. *Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana*, no. 4–5, pp. 1–39. (In Russ.).
- Shvetsov, S. P. (1926) *Nature and way of life of Kazakhstan: Kazakh economy in its natural-historical and everyday conditions*. Leningrad, Narkomzem Kazak. ASSR. 186 p. (In Russ.).
- Shnirel'man, V. (2009) The symbolic past. The struggle for ancestors in Central Asia. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4(66), pp. 70–86. (In Russ.).
- Shtyrkov, S. (2011) The Soviet Roots of Ethnic Traditionalism: the case of North Ossetia. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*, no. 4, pp. 66–79. (In Russ.).

Submission date: 14.02.2024.

Acceptance date: 24.05.2024.